



THE GREAT GIBSON



Annotation

Пьеса написана в конце 1760 года. 25 января 1761 года состоялась ее премьера в театре Сан Самуэле (Венеция) силами труппы знаменитого комика Антонио Сакки.

На сюжет этой сказки по совету Вс. Мейерхольда композитор С.С. Прокофьев написал оперу.

- [ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ](#)
 - [Предисловие автора к пьесе «Любовь к трем апельсинам»](#)
 - [Пролог](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ
Драматическое представление,
разделенное на три действия
Разбор по воспоминанию
(Перевод М. Лозинского)

*Пускай мой челн уносится теченьем,
Пока его не опрокинет вал:
Моей мечтой, моим воображеньем
Я угодить бы каждому желал;
Но в мире нет предела измененьям:
Кто разность лиц и нравов сосчитал?
Тот верен лилии, а этот — розе,
У всех свой вкус, в поэзии и в прозе.*

*Да, как Моргайте, палицей своей
Я, может быть, работал слишком рьяно.
Но там, где есть достаточно судей,
Рассудят дело поздно или рано.
К тому ж увечье в разуме вещей,
Когда врагом имеешь великана;
И я брал меч, но меч не боевой:
Игрою в жмурки был веселый бой.^[1]*

Пульчи, «Морганте», песнь 27

Предисловие автора к пьесе «Любовь к трем апельсинам»

«Любовь к трем Апельсинам» — детская сказка, превращенная мною в театральное представление, которым я начал оказывать поддержку труппе Сакки, — была лишь шутовской преувеличенной пародией на произведения синьоров Кьяри и Гольдони, бывшие в ходу в момент ее появления на свет.

Единственной целью, которую я преследовал этой пьесой, было выяснить, насколько характер публики восприимчив к такому детски сказочному жанру на театральных подмостках. Из моего точного разбора по воспоминанию читатель убедится, что представление это было настолько смелым, что граничило даже с дерзостью. Истину никогда не следует скрывать. Никогда еще не было видано на сцене представления, совершенно лишённого серьезных ролей и целиком сотканного из общего шутовства всех персонажей, как это было в данном сценическом наброске. Пьеса была представлена труппой Сакки 25 января 1761 года, в театре Сан-Самуэле в Венеции, с прологом, помещаемым ниже перед разбором.

Разъяренные приверженцы обоих поэтов сделали все возможное, чтобы обеспечить ее провал, но любезная публика поддержала ее целых семь представлений в течение карнавала, который уже приближался к концу.

В последующие годы пьеса неизменно повторялась, но уже без преувеличенной пародии на вышеупомянутых поэтов, потому что для нее уже прошло время и она явилась бы некстати. Из моего разбора будет видно, чем она была при своем возникновении.

Пролог

МАЛЬЧИК-ВЕСТНИК

(к зрителям)

Мы, ваши слуги, старые актеры,
Исполнены смущенья и стыда.
Вся труппа там стоит, потупив взоры,
И мрачны лица их, как никогда.
Ведь в публике какие разговоры:
Нас кормят вздором эти господа,
Сплошным гнильем, комедией несвежей.
Мошенники, насмешники, невежи!

Клянусь природой, сотворившей нас:
Чтоб зрителей вернуть благоволенью,
Любой из них даст вырвать зуб и глаз.
Да, таково их твердое решенье!
Но, люди добрые, хоть этот раз
На миг сдержите гневное волненье,
Два слова дайте мне сказать — а там
На вашу волю я себя отдам.

Мы сбиты с толку: что же вас прельщает?
Как угодить вам нашим ремеслом?
Сегодня свистом публики встречает
То, что вчера венчала торжеством.
Непостижимый ветер управляет
Общественного вкуса колесом.
Одно мы знаем: чем полнее сборы,
Тем лучше пьют и кушают актеры.

Теперь закон, чтоб сцена каждый миг
Кипела столь обильным водопадом
Характеров, случайностей, интриг
И происшествий, сыплющихся градом,
Что страх невольный в душу нам проник

И мы друг друга испытываем взглядом.
Но так как надо что-нибудь жевать,
Мы старым хламом мучим вас опять.

Чем может быть объяснена утрата
Приязни в ваших, зрители, сердцах
К покорным слугам вашим, что когда-то
Столь были чтимы в этих же стенах?
Поэзия, не ты ли виновата?
Пусть! Все равно! Все в этом мире прах,
Мы претерпеть готовы все удары.
Но ваша хладность горше всякой кары.

Мы все предпримем с нашей стороны,
Мы даже стать поэтами готовы.
Чтоб воротить успехи старины,
Решились мы искать венец лавровый.
Мы на чернила выменим штаны,
За десть бумаги плащ зложим новый,
Что нет таланта, это не беда:
Лишь были б вы довольны, господа.

Великие, не виданные светом,
Мы представлять комедии начнем.
Где, как, когда мы их нашли, — об этом
Не спрашивайте, да и что вам в том!
Ведь если дождь прольется знойным летом,
Его зовете новым вы дождем.
А между тем я вам секрет открою:
Вода есть дождь, дождь был всегда водою.

Все движется, все — превращений ряд.
Конечное становится исходным.
Иной с портрета старого наряд
Сегодня снова делается модным.
Вкус, увлеченье, современный взгляд —
Все милым делают и превосходным.
И я клянусь: старейший театрал
Таких комедий сроду не видал.

У нас в руках сюжеты есть такие,
Что превратят в младенцев стариков.
Конечно, все родители честные
К нам поведут сюда своих птенцов.
Нас презрят лишь таланты неземные,
Но это безразлично, — медяков
Мы не расцениваем обоняньем:
Чем отдают — невежеством иль знаньем.

Нежданных происшествий длинный ряд
Мы развернем пред вами в пестрой смене.
Вас чудеса сегодня поразят,
Каких никто не видывал на сцене.
Ворота, птица, пес заговорят
Стихами, что достойны восхвалений.
Само собой, мартеллианский стих
Понравится вам больше всех других.

Актеры ждут, и, как пролог к картинам,
Я должен вкратце изложить сюжет.
Но я боюсь: шипением змеиным
И громким криком будет ваш ответ.
Итак, пойдет: «Любовь к трем Апельсинам».
Я произнес. Мне отступленья нет.
Теперь, друзья мои, вообразите,
Что у огня вы с бабушкой сидите.

* * *

Слишком очевидна сатира этого пролога, направленного против поэтов, притеснявших труппу актеров импровизированной комедии Сакки, [\[2\]](#) которую я хотел поддержать, и слишком ясно мое намерение поставить на сцене ряд моих детских сказок, чтобы мне пришлось высказывать соображения по поводу отдельных мыслей, рассыпанных в самом прологе.

В выборе первого сюжета, взятого из самой пустой сказки, какие

рассказывают детям, в грубости диалогов, действия и характеров, намеренно опошленных, я хотел высмеять «Перекресток», «Кухарок», «Кьоджинские перепалки»^[3] и многие другие плебейские и тривиальнейшие произведения синьора Гольдони.

Действующие лица

Сильвио — король Треф^[4]

Тарталья — принц, сын его

Клариче — принцесса, племянница короля

Леандро — валет Треф, первый министр

Панталоне

Труффальдино

Бригелла

Смеральдина — арапка, служанка

Челио — маг

Моргана — фея

Фарфарелло — дьявол

Дьявол с мехами

Креонта — великанша-волшебница

Три принцессы — дочери Конкула, короля Антиподов

Пес

Веревка

Ворота

Пекарка

Голубка

Герольд

Стража

Придворные

Народ

Действие происходит в сказочном королевстве Треф.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сильвио, король Треф, монарх воображаемого королевства, одежды которого в точности походили на одежды карточного короля, жаловался Панталоне на несчастье, постигшее его единственного сына, наследного принца Тарталью, уже десять лет больного неизлечимой болезнью. Врачи определили ее как непреодолимое следствие ипохондрии и уже отступились от него. Король сильно плакал. Панталоне, осмеивая врачей, указывал на удивительные секреты некоторых живших в то время шарлатанов. Король возражал, что все было уже испробовано без пользы. Панталоне, фантазируя о происхождении болезни, спрашивал короля по секрету, чтобы его не услышала окружающая монарха стража, не приобрел ли его величество в молодости какой-нибудь болезни, которая, перейдя в кровь наследного принца, привела его к этому несчастью, и не поможет ли в данном случае ртуть. Король со всей серьезностью уверял, что он всегда был верен королеве. Панталоне добавлял, что принц, быть может, скрывает из стыда какую-нибудь приобретенную им заразную болезнь. Король серьезно и величественно уверял, что он своим отеческим осмотром удостоверился, что это не так и что болезнь его сына — не что иное, как смертельное последствие ипохондрии; врачи определили, что если он не засмеется, то вскоре будет в гробу, ибо только смех может быть очевидным знаком его исцеления. Но это невозможно! Он добавлял, что его печалит видеть себя уже дряхлым, с единственным умирающим сыном и с племянницей, принцессой Клариче, будущей наследницей его королевства, девушкой своевольной, странной и жестокой. Он жалел своих подданных и плакал навзрыд, забыв о своем королевском величии. Панталоне утешал его; он высказывал соображение, что если исцеление принца Тартальи зависит от его смеха, то не следует держать двор в такой печали. Пусть будут объявлены празднества: игры, маскарады и спектакли. Нужно разрешить Труффальдино, человеку заслуженному в искусстве смеха, настоящему рецепту против ипохондрии, говорить с принцем. Панталоне заметил у принца некоторую склонность доверять Труффальдино. Может случиться, что принц засмеется и выздоровеет. Король соглашался с этим и собирался отдать соответствующие распоряжения.

Выходил Леандро, вает Треф, первый министр. Это лицо было точно так же одето, как его фигура в игральных картах, Панталоне высказывал в сторону свое подозрение о предательстве Леандро. Король заказывал

Леандро празднества, игры и вакханалии. Он говорил, что всякий, кому удастся рассмешить принца, получит большую награду. Леандро отговаривал короля от такого решения, полагая, что все это еще больше повредит больному. Панталоне настаивал на своем совете. Король снова подтверждал свои приказания и уходил. Панталоне ликовал. Он говорил в сторону, что, по его мнению, Леандро желает смерти принца. Затем он следовал за королем. Леандро оставался в смущении. Он видел какое-то противодействие своему желанию, но не мог понять его причину.

Выходила принцесса Клариче, племянница короля. Никогда еще не было видано на сцене принцессы с таким странным, капризным и решительным нравом. Я очень благодарен синьору Кьяри, который в своих произведениях дал мне несколько образцов для преувеличенной пародии характеров.

Клариче, уговорившись с Леандро выйти за него замуж и возвести его на престол, если она останется наследницей королевства в случае смерти ее двоюродного брата Тартальи, бранила Леандро за равнодушие, которое он проявлял, выжидая, пока ее кузен умрет от такой длительной болезни, как ипохондрия. Леандро оправдывался с осторожностью, говоря, что его покровительница, фея Моргана, вручила ему несколько грамот в мартеллианских стихах, чтобы он дал их Тарталье запеченными в хлебе; это должно привести его к медленной смерти от последствий ипохондрии. Так говорилось для того, чтобы осудить произведения синьора Кьяри и синьора Гольдони, которые, будучи написаны мартеллианскими стихами, утомляли однообразием рифм.^[5] Фея Моргана была врагом короля Треф, так как потеряла много денег, ставя на портрет этого короля, и, напротив, была другом валета Треф, ибо несколько отыгралась на его изображении. Она жила в озере поблизости от города. Арапка Смеральдина,^[6] которая играла роль служанки в этой сценической пародии, была посредницей между Леандро и Морганой. Клариче приходила в ярость, услышав о медленном способе, который применялся для умерщвления Тартальи. Леандро высказывал сомнения о пользе грамот в мартеллианских стихах. Он видел, как прибыл ко двору, неизвестно кем посланный, некто Труффальдино, забавная личность. Если Тарталья засмеется, он выздоровеет. Клариче приходила в сильное беспокойство: она видела этого Труффальдино; невозможно было удержаться от смеха при одном взгляде на него. Грамоты в мартеллианских стихах, даже отпечатанные самым жирным шрифтом, будут бесполезны. В этих рассуждениях читатель увидит защиту импровизированной комедии масок как средства против

последствий ипохондрии, в противовес меланхолическим писаниям тогдашних поэтов. Леандро уже раньше послал своего гонца Бригеллу к арапке Смеральдине с целью узнать, что означает тайна появления этого Труффальдино, а также просить о помощи.

Выходил Бригелла и таинственно сообщал, что Труффальдино прислан ко двору неким магом Челио, врагом Морганы и покровителем короля Треф, по причинам, сходным с указанными выше. Труффальдино служил лекарством против последствий ипохондрии, вызванной грамотами в мартеллианских стихах, и прибыл ко двору, чтобы охранять короля, его сына и всех обитателей города от заразной болезни, распространяемой этими грамотами.

Следует заметить, что во вражде феи Морганы и мага Челио аллегорически изображались театральные битвы, происходившие между синьорами Гольдони и Кьяри, и что в лице феи и мага изображались в преувеличенной пародии оба поэта. Фея Моргана представляла карикатуру на синьора Кьяри, а маг Челио — карикатуру на синьора Гольдони.

Принесенное Бригеллой известие о Труффальдино приводило Клариче и Леандро в большое смущение. Они обсуждали разные способы погубить Труффальдино. Клариче советовала мышьяк или пулю, Леандро — мартеллианские стихи в хлебе или опий. Клариче возражала, что мартеллианские стихи и опий вещи сходные, но Труффальдино кажется ей обладающим достаточно крепким желудком, чтобы переварить подобные снадобья. Бригелла добавлял, что Моргана, узнав о празднествах, готовившихся для развлечения принца, чтобы заставить его рассмеяться, обещала прийти на торжество и противопоставить его здоровому смеху проклятие, которое сведет принца в могилу. Клариче уходила, чтобы дать место приготовлениям к заказанным зрелищам, а Леандро и Бригелла уходили, чтобы распорядиться ими.

Действие переносилось в комнату принца, больного ипохондрией. Этот шутовской принц Тарталья был наряжен в самый забавный костюм больного. Он сидел в большом кресле, а возле него находился столик, о который он опирался, заставленный склянками, мазями, плевательницами и другими предметами, соответствующими его состоянию. Слабым голосом он жаловался на свою несчастную судьбу, рассказывал о способах лечения, которым он напрасно подвергался, говорил о странных симптомах своей неизлечимой болезни. И хотя он имел только краткое изложение сцены, этот превосходный актер разыгрывал ее с невиданным блеском и разнообразием. Его шутовская и в то же время естественная речь все время вызывала дружные взрывы хохота у зрителей.

Затем выходил пресмешной Труффальдино и делал попытку развеселить больного. Импровизированная сцена, разыгранная по сценарию этими двумя отличнейшими комиками, не могла не получиться чрезвычайно веселой. Принц благосклонно смотрел на проделки Труффальдино, но, сколько тот ни пробовал, он не мог рассмешить принца. Принц возобновлял разговор о своей болезни и хотел узнать о ней мнение Труффальдино. Труффальдино произносил запутанные комические рассуждения на медицинские темы, самые забавные, какие когда-либо приходилось слышать. Он нюхал дыхание принца, слышал запах от переполнения его желудка непереваженными мартеллианскими стихами. Принц кашлял и хотел плюнуть. Труффальдино подставлял ему чашку и исследовал его плевки; находил в нем гнилые и вонючие рифмы. Эта сцена продолжалась около двадцати минут при непрерывном смехе зрителей.

Слышались звуки инструментов, которые давали сигнал к началу веселых зрелищ, происходивших на большом дворе королевского дворца. Труффальдино хотел повести принца на крытую террасу, чтобы оттуда смотреть на них. Принц восклицал, что это невозможно. Завязывался смешной спор. Труффальдино в ярости выбрасывал в окно склянки, чашки и другие предметы, служившие Тарталье во время его болезни. Последний громко кричал и плакал, как ребенок. Наконец Труффальдино уносил принца насильно, взвалив его себе на плечи; при этом Тарталья выл так, как если бы у него выпускали кишки.

Далее открывалась сцена в большом дворе королевского дворца. Леандро сообщал, что он исполнил приказания относительно зрелищ, что весь народ, печальный и жаждущий смеха, надел маски и собрался в этот двор на праздник, но что он из предосторожности заставил многих лиц замаскироваться мрачными фигурами, чтобы увеличить меланхолию принца, который будет смотреть на них.

Уже настало время открыть ворота и дать народу возможность войти.

Выходила Моргана, принявшая образ карикатурной старушонки. Леандро удивлялся, как подобное существо могло проникнуть сквозь запертые двери.

Моргана открывалась ему и говорила, что пришла сюда в этом виде с целью окончательно погубить принца. Она прибавляла, что уже пора начать празднество. Леандро благодарил ее, называл ее царицей ипохондрии. Моргана удалялась.

Открывались ворота двора. На крытой террасе фасада появлялись король Сильвио, меланхолический принц Тарталья, закутанный в шубу, Клариче, Панталоне, стража. Зрелище и празднества были именно те, о

каких рассказывают детям в сказке о трех Апельсинах.

Входил народ. Происходил конный турнир. Труффальдино в качестве начальника отряда заставлял участвовавших в состязании проделывать смешные движения. При этом каждый раз, оборачиваясь к террасе, он спрашивал у его величества, смеется ли принц. Но принц плакал, жалуясь, что воздух его беспокоит, а шум вызывает головную боль, и просил короля, чтобы тот приказал отнести его в теплую постель.

У двух фонтанов, из которых один источал масло, а другой вино, толпился народ, делая себе запасы. Происходили вульгарнейшие простонародные перебранки, но ничто не могло заставить принца рассмеяться.

Выходила Моргана в виде старушонки с кувшином в руках, чтобы заpastись маслом из фонтана. Труффальдино осыпал старушонку градом оскорблений. Она падала, высоко задрав ноги. Все эти пошлости, сопровождавшие представление обыкновенной сказки, развлекали зрителей своей новизной не меньше, чем «Кухарки», «Перекресток», «Кьоджинские перепалки» и другие пошлые произведения синьора Гольдони.

При виде падения старушонки принц разражался долгим и звонким смехом и разом излечивался от всех своих недугов. Труффальдино получал награду, а зрители, избавленные наконец от тяжелого впечатления его болезни, хохотали во все горло.

Весь двор радовался происшедшему. Только Леандро и Клариче были грустны. Разъяренная Моргана, поднявшись с земли, с жаром упрекала принца и бросала ему в лицо следующее ужасное проклятье в стиле Кьяри:

Отверзи слух, чудовище! Дойди мой крик до чрева.
Сквозь стен, сквозь гор препятствие проникнет голос гнева.
Как гибельная молния испепеляет сушу,
Так пусть мои вещания тебе вонзятся в душу.
Как на буксире лодочка за кораблем уходит,
Так пусть тебя проклятие повсюду за нос водит.
Да сгинешь ты от грозного проклятия Морганы,
Как в море травоядное, как рыба среди поляны.
Плутон — властитель Тартара, и Пиндар, вверх парящий,^[7]
К трем Апельсинам страстию тебя сожгут палящей.
Мольбой, угрозой, жалобой не тронется судьбина:
Спеши на страшный промысел — искать три Апельсина!

Моргана исчезала. Принц внезапно воодушевлялся любовью к трем Апельси́нам. Его уводили при сильнейшем смущении всего двора. Какой вздор!

Какое огорчение для обоих поэтов! Так кончался первый акт сказки при громких аплодисментах всей публики.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Панталоне в одной из комнат принца, в отчаянии и вне себя, рассказывал о тяжелом состоянии Тартальи, которым овладело бешенство вследствие произнесенного над ним проклятия. Успокоить его было невысказано. Он требовал от отца пару подбитых железом башмаков, чтобы отправиться бродить по свету до тех пор, пока он не найдет роковые Апельсины, предмет своей любви.

Панталоне получил приказ, под страхом немилости, просить у короля эти башмаки. Положение было очень серьезным. Такой сюжет очень подходил для театра. Панталоне высмеивал по этому поводу, в шутливой форме, сюжеты, бывшие тогда в ходу. Наконец он уходил к королю.

Выходили одержимый манией принц Тарталья и Труффальдино. Принц выражал нетерпение по поводу задержки с железными башмаками. Труффальдино задавал нелепые вопросы. Принц объявлял, что хочет отправиться искать три Апельсина, которые, как ему рассказывала его бабушка, находятся за две тысячи миль во власти волшебницы-великанши Креонты. Он требовал свои доспехи и приказывал Труффальдино вооружиться, так как хотел иметь его своим оруженосцем.

Следовала шутовская сцена между этими всегда забавными персонажами. Они надевали кольчуги и шлемы и брали большие длинные мечи; все это они делали с величайшей карикатурностью.

Выходили король Сильвио, Панталоне и стража. Один из стражей нес в тазу пару железных башмаков.

Эта сцена проводилась четверью персонажами с преувеличенной важностью, делавшей ее вдвойне смешной. С трагическим и драматическим величием отец пытался отговорить сына от его опасного предприятия. Он просил, угрожал, впадал в патетический тон. Одержимый манией принц настаивал на своем. Он был уверен, что снова впадет в ипохондрию, если ему не позволят исполнить его намерение, и в конце концов доходил до грубых угроз по адресу отца.

Огорченный король не знал, что ответить. Он делал заключение, что неуважение к нему сына объясняется тем, что он насмотрелся новых комедий. И действительно, мы видели в одной пьесе синьора Кьяри, как сын обнажал шпагу, чтобы убить собственного отца. Подобными примерами изобиловали тогдашние комедии, высмеянные мною в этой глупой сказке. Принц никак не мог успокоиться, пока Труффальдино не

надевал ему железные башмаки. Сцена заканчивалась квартетом в драматических стихах, состоявших из причитаний, прощаний и вздохов. Принц Тарталья и Труффальдино отправлялись в путь.

Король падал на кресло в обмороке. Панталоне громко требовал уксуса, чтобы ему помочь. Прибегали Клариче, Леандро и Бригелла, бранили Панталоне за производимый им шум. Панталоне говорил, что речь идет о короле, лежащем в обмороке, и принце, который пошел на гибель для трудного приобретения Апельсинов. Бригелла возражал, что это такой же вздор, как новые комедии, переворачивающие все вверх дном без всякого смысла. Между тем король, придя в себя, с преувеличенным трагизмом оплакивал сына, как мертвого. Он отдавал приказ всему двору облачиться в траурные одежды, сам же уходил, чтобы запереться в кабинете и там окончить свои дни под бременем скорби. Панталоне клялся разделить печаль короля, смешать в одном носовом платке их общие слезы и дать современным поэтам сюжет для нескончаемых эпизодов в мартеллианских стихах. После этого он следовал за королем.

Клариче, Леандро и Бригелла радостно восхваляли Моргану. Капризная Клариче хотела, прежде чем возвести Леандро на престол, заключить соглашение о своем праве распоряжаться в королевстве. В военное время она желала стоять во главе войск. Даже в случае поражения она сумеет очаровать своей красотой вражеского полководца. Когда же тот влюбится и будет ею обнадужен, она при его приближении воткнет ему нож в живот. Это была язвительная насмешка над «Аттилой» синьора Кьяри. Кроме того, Клариче хотела иметь право раздавать придворные должности. Бригелла просил за свои заслуги должность управляющего королевскими зрелищами.

Следовал спор по вопросу о выборе рода театральных развлечений. Клариче требовала трагических представлений, в которых действующие лица бросались бы из окон и с башен, не сломав себе шеи, и происходили бы другие столь же удивительные происшествя, — одним словом, она требовала произведений синьора Кьяри. Леандро предпочитал комедии характеров, иначе говоря — произведения синьора Гольдони. Бригелла предлагал импровизированную комедию масок, которая может служить невинным развлечением для народа.^[8] Клариче и Леандро возражали в гневе, что не хотят глупых буффонад, недостойных просвещенного века, и уходили.

Бригелла произносил патетическую речь, соболезнуя актерской труппе Сакки, правда, не называя ее по имени, но так, что легко было понять, кого он имел в виду. Он оплакивал почтенных и заслуженных актеров,

притесняемых со всех сторон и потерявших любовь той публики, которую они обожают и для которой они столько времени служили развлечением. После этого он уходил под аплодисменты зрителей, превосходно понявших истинный смысл его речи.

Далее открывалась сцена в пустыне. Было видно, как маг Челио, покровитель принца Тартальи, чертил круги. Он вызывал дьявола Фарфарелло.

Выходил дьявол Фарфарелло и страшным голосом говорил мартеллианскими стихами следующее:

В чем дело? Кто зовет меня из преисподней щели?
Ты кто: ты театральный маг иль маг на самом деле?
А если театральный ты, ты сам того же мненья,
Что старый хлам все дьяволы, волхвы и привиденья.

Оба поэта несколько раз заявляли, что хотят уничтожить в комедиях маски, магов и дьяволов.

Челио отвечал прозой, что он настоящий маг. Дьявол добавлял:

Ну, ладно, будь кем вздумаешь; но только магам ложным
Пристало говорить стихом четырнадцатисложным.

Челио грозил дьяволу — он хотел говорить прозой по своему разумению. Он спрашивал, добился ли какого-нибудь результата Труффальдино, посланный им ко двору короля Треф; заставил ли он рассмеяться Тарталью, и излечился ли тот от своей ипохондрии. Дьявол отвечал:

Захохотал и стал здоров. Но силой заклинанья
Моргана, фея злобная, сгубила все старанья.
И, задыхаясь, в ярости, отца и двор покинув,
Пустился принц на поиски заветных Апельсинов.
Он с Труффальдино близится. За ними вслед пустила
Моргана беса хмурого, чтоб поддувал им с тыла.
Миль отмахавши с тысячу, они в конце дороги
И здесь, в стенах волшебницы, протянут скоро ноги.

Дьявол Фарфарелло исчезал. Челио выкрикивал проклятия по адресу своего врага Морганы. Он разъяснял великую опасность, которой подвергались Тарталья и Труффальдино, отправившись в лежащий недалеко от этого места замок Креонты, где хранились три роковые Апельсина. Он удалялся, чтобы приготовить все необходимое для спасения двух заслуженных и чрезвычайно полезных обществу лиц.

Маг Челио, который изображал в этом вздоре синьора Гольдони, не должен был бы защищать Тарталью и Труффальдино. Эта ошибка вполне достойна порицания, если может заслуживать порицания такая чертовщина, как этот сценический набросок. Синьоры Кьяри и Гольдони были в то время врагами в своем поэтическом творчестве. Я хотел в лице Морганы и Челио вывести в карикатурном виде противоположность этих двух талантов, но вместе с тем я старался не удваивать число действующих лиц, чтобы спастись от упреков в чрезмерности своего каприза.

На сцену выходили принц Тарталья и Труффальдино, вооруженные, как было указано выше. Они выбегали стремительно быстро. За ними следовал дьявол с мехами, который, поддувая им в спину, заставлял их двигаться с необычайной быстротой. Внезапно дьявол с мехами переставал дуть и исчезал. От прекращения ветра оба путешественника падали на землю, не будучи в состоянии остановиться.

Я бесконечно обязан синьору Кьяри за превосходное впечатление, которое производила эта дьявольская пародия.

В своих драмах, заимствованных из «Энеиды»,^[9] он заставлял троянцев на протяжении одной пьесы проделывать огромнейшие путешествия без помощи моего дьявола с мехами.

Этот писатель, педантично нападавший на всех других за различные неправильности, сам позволял себе всевозможные вольности. Я видел в его «Эццелине, тиране Падуанском», как в одной сцене был покорен Эццелин и отправлен полководец для захвата Тревизо, находившегося еще под властью тирана. В следующей сцене того же акта полководец уже возвращался с победой.

Он сделал больше тридцати миль, взял Тревизо, казнил притеснителей и в цветистой речи, которую он произносил, оправдывал совершенные им невероятные поступки доблестью своего отважного скакуна.

Тарталья и Труффальдино должны были проделать две тысячи миль, чтобы достичь замка Креонты. Мой дьявол с мехами оправдывал их путешествие лучше лошади синьора аббата Кьяри. Оба эти забавнейших персонажа в удивлении вставали с земли, ошеломленные ветром, дувшим на них сзади. Они делали нелепое географическое описание тех стран, рек

и морей, которые прошли. Из того, что ветер прекратился, Тарталья выводил заключение, что три Апельсина недалеко. Труффальдино запыхался; он был голоден; он спрашивал принца, захватил ли тот с собой достаточный запас денег или векселей. Тарталья презирал все эти низкие и бесполезные вопросы. Он замечал неподалеку замок на горе и полагал, что это замок Креонты, хранительницы Апельсинов. Он отправлялся в путь, а Труффальдино следовал за ним, надеясь найти пищу.

Выходил маг Челио, пугал обоих и напрасно старался отговорить принца от опасного предприятия. Он описывал непреодолимые препятствия — те самые, которые рассказывают детям в этой сказке; но Челио говорил о них, вытаращив глаза, страшным голосом, как если бы они были великими вещами. Опасности заключались в железных Воротах, покрытых ржавчиной от времени, в голодном Псе, в Веревке от колодца, полусгнившей от сырости, в Пекарке, которая, не имея метлы, подметала печь собственными грудями. Принц, несколько не уstraшенный этими ужасными предметами, хотел идти в замок. Видя его решимость, маг Челио давал ему волшебную мазь, чтобы смазать засов на Воротах, кусок хлеба, чтобы бросить его голодному Псу, и пучок вереска для Пекарки, подметающей печь собственными грудями. Он напоминал им о том, чтобы они вытащили Веревку из сырости и высушили ее на солнце. Он прибавлял, что если по счастливой случайности им удастся похитить три охраняемых Апельсина, им следует тотчас же бежать из замка и помнить, что нельзя разрезать ни одного из этих Апельсинов иначе, как возле какого-нибудь источника. Он обещал, в случае если после похищения они уйдут невредимыми от опасности, прислать им того же дьявола с мехами, который, дуя им в спину, перенесет их в несколько мгновений на родину. Поручив их покровительству неба, маг Челио уходил.

Тарталья и Труффальдино направлялись с полученными предметами к замку.

Тут опускалась занавеска, изображавшая дворец короля Треф. Какое нарушение всех правил! Что за неуместная критика! Следовали две небольшие сцены: первая между арапкой Смеральдиной и Бригеллой, радовавшимися гибели Тартальи; вторая с феей Морганой, которая в гневе приказывала Бригелле известить Клариче и Леандро о том, что Челио помогает Тарталье в его предприятии. Она получила эти сведения от демона Драгинаццо. Морганя приказывала Смеральдине следовать за нею до ее озера, куда должны будут попасть Тарталья и Труффальдино, если они выйдут живыми из рук Креонты.

Здесь она сможет устроить им новые козни. Все расходились в

смущении.

Далее сцена открывалась во дворе замка Креонты.

Уже с самого начала этой сцены, в которой разные нелепые предметы выступали в качестве действующих лиц, я имел возможность убедиться в том могучем воздействии, какое производит на людей все чудесное.

Ворота с железной решеткой на заднем плане; голодный Пес, бегавший взад и вперед с громким воем; колодец с лежавшей рядом Веревкой; Пекарка, подметавшая печь двумя огромнейшими грудями, — держали весь театр в напряженном внимании, нисколько не меньше, чем лучшие сцены из произведений обоих наших поэтов.

Было видно, как за решеткой принц Тарталья и Труффальдино старались смазать ее засовы волшебной мазью, после чего Ворота распахивались. Вот так диво!

Они входили. Пес с лаем набрасывался на них. Они кидали ему хлеб, он успокаивался. Вот так чудо!

В то время как Труффальдино, полный страхов, раскладывал Веревку на солнце и давал Пекарке веник, принц входил в замок и затем радостно выходил из него, похитив три огромных Апельсина.

Великие происшествия на этом не кончались. Солнце меркло, земля содрогалась, слышались сильные удары грома. Принц передавал Апельсины дрожащему Труффальдино; они приготавливались к бегству. Из замка раздавался ужасающий голос Креонты, которая в точном соответствии с текстом детской сказки кричала следующим образом:

Пекарочка, Пекарочка, избавь меня от срама.
Хватай обоих за ноги и в печь швыряй их прямо!

Пекарка, точно следуя тексту, отвечала:

Ну, нет! Я столько времени, и месяцы и годы,
Терзаю груди белые, переносу невзгоды.
Ты для меня, жестокая, метлу и то жалела,
А эти веник дали мне. Пускай уходят смело.

Креонта кричала:

Веревка, удави ты их!

А Веревка отвечала ей по тексту:

Злодейка, ты забыла,
Как много лет и месяцев меня ты здесь морила,
В грязи держала, в сырости, в забвении убогом.
Они мне дали высохнуть. Пускай уходят с богом.

Креонта, продолжая придерживаться текста сказки, вопила:

Мой Пес, мой сторож преданный, куси, хватай презренных!

Пес, верный страж текста, отвечал:

Нет, госпожа, не стану я кусать людей смиренных!
Я столько лет и месяцев тебе служил голодный.
Они меня насытили. Твои слова бесплодны.

Креонта кричала сообразно тексту:

Закройте, раздавите их, железные Ворота!

Ворота отвечали по тексту:

Ты просишь нашей помощи: напрасная забота!
Мы столько лет и месяцев, скорбя, ржавели. Жиром
Нас эти люди смазали. Пускай уходят с миром.

Забавно было видеть изумление Тартальи и Труффальдино перед таким обилием поэтов. Они были ошеломлены, слыша, как Пекарка, Веревка, Пес и Ворота разговаривают между собой мартеллианскими стихами. Они благодарили эти вещи за их милосердие.

Зрители были чрезвычайно довольны этой чудесной ребяческой новинкой, и, признаюсь, я смеялся и сам, чувствуя, как душа принуждена

радоваться детским образам, возвращавшим меня во времена моего младенчества.

Выходила великанша Креонта. Она была громадного роста и носила платье «андриенну».^[10] При ее ужасном появлении Тарталья и Труффальдино обращались в бегство.

Креонта с жестами отчаяния произносила следующие отчаянные мартеллианские стихи, не переставая взывать к Пиндару, которого синьор Кьяри считал своим братом:

О слуги вероломные, Веревка, Пес, Ворота,
Пекарка нечестивая, о дочь Искарюта!^[11]
О Апельсины сладкие! Мне вас лишиться надо!
О Апельсины милые, мой свет, моя отрада!
Я лопаюсь от ярости! В груди своей я чую
Стихии, Солнце, Хаос весь и Радугу цветную.
Нет, дольше жить не в силах я! Зевеса гром летучий,
От темени до щиколок разбей меня из тучи!
Кто мне поможет, дьяволы, кто мук прервет теченье?
Вот дружеская молния: в ней смерть и утешенье.

Никакая преувеличенная пародия не сможет лучше объяснить чувства и стиль синьора Кьяри, чем этот последний стих. Падала молния, которая испепеляла великаншу. На этом кончалось второе действие, заслужившее у публики еще больше аплодисментов, чем первое. Моя смелость начинала уже становиться менее преступной.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена изображала место вблизи озера, в котором обитала фея Моргана.

Виднелось огромное дерево, а под ним большой камень в форме скамьи. По всей местности были разбросаны разные камни.

Смеральдина, говорившая на итальянизированном турецком языке, стояла на берегу озера, ожидая приказаний феи. Выйдя из терпения, она звала ее.

Из озера выходила фея Моргана. Она рассказывала, что была в аду и там узнала, что Тарталья и Труффальдино с помощью Челио победоносно шествуют, подталкиваемые мехами дьявола, с тремя Апельсинами в руках. Смеральдина упрекала ее за невежество в магии: она была в бешенстве. Моргана советовала ей не выходить из себя. Благодаря подстроенной ею хитрости Труффальдино прибудет сюда отдельно от принца. Волшебный голод и жажда будут мучить его, и так как у него с собой три Апельсина, произойдут важные события. Она передавала арапке Смеральдине две дьявольские шпильки. Говорила, что она увидит под деревом прекрасную девушку, сидящую на камне. Это будет жена, избранная Тартальей. Пускай она постарается искусно воткнуть ей в волосы одну из шпилек. Тогда девушка превратится в голубку. Сама же Смеральдина должна сесть на камень вместо этой девушки. Тарталья женится на ней, и она станет королевой. Ночью, когда она будет спать с мужем, пускай она воткнет ему в волосы вторую шпильку; он превратится в животное, и таким образом трон останется свободным для Леандро и Клариче. Арапка находила в этом предприятии некоторые трудности, в особенности то, что ее хорошо знают при дворе. Волшебное искусство Морганы, как и следовало ожидать, устраняло все препятствия. Она уводила с собой Смеральдину, чтобы научить ее, как действовать, так как видела, что приближается Труффальдино, гонимый адским ветром.

Выбегал Труффальдино с поддувавшим на него дьяволом и с тремя Апельсинами в мешке. Дьявол исчезал. Труффальдино рассказывал, что принц упал неподалеку вследствие стремительности их бега; теперь он хочет его подождать. Он садился. Он начинал чувствовать необыкновенный голод и жажду.

Решал съесть один из трех Апельсинов. Испытывал угрызения совести, разыгрывал трагическую сцену. Наконец, ослепленный,

измученный невероятным голодом, он решался принести великую жертву. Полагал, что можно возместить убытки двумя сольдо. Разрезал один из Апельсинов. О, чудо! Из него выходила девушка, одетая в белое, которая, точно следуя тексту сказки, говорила:

О, дай мне пить! О, горе мне! Сейчас умру! За что же?
Умру от жажды, бедная! Скорей, мучитель! Боже!

Она падала на землю, охваченная смертельным томлением. Труффальдино забыл приказание Челио разрезать Апельсины только около источника. Одуревший от голода и от необычайности всего случившегося с ним, он в отчаянии не замечал соседнего озера; ему приходил в голову только один выход: разрезать другой Апельсин, чтобы утолить его соком жажду умирающей девушки. Он тотчас же приступал к этому жестокому поступку, разрезал другой Апельсин, и вот из него появлялась другая прекрасная девушка со следующими словами на устах:

Увы, умру от жажды я! Дай пить, я умоляю!
О боже, как я мучаюсь! Я в муках умираю.

Она падала, как и первая. Труффальдино приходил в сильнейшее беспокойство. Он был вне себя от отчаяния. Одна из девушек продолжала жалобным голосом:

Свирепый рок! Сейчас умру. Кончаюсь. Я скончалась.

Она испускала дух. Другая девушка прибавляла:

Жестокий свет! Я в смертный час без помощи осталась.

Она тоже испускала дух. Труффальдино плакал, нежно с ними разговаривал.

Он решал разрезать третий Апельсин, чтобы помочь им. Он уже был готов привести свое намерение в исполнение, как вдруг выходил разгневанный принц Тарталья и грозил ему, Труффальдино в ужасе убежал, оставив Апельсин.

Изумление и размышления этого гротескового принца над корками двух разрезанных Апельсинов и над трупами двух девушек не поддаются описанию.

Веселые маски импровизированной комедии при подобного рода обстоятельствах разыгрывают сцены таких милых глупостей, таких приятных шуток и ломанья, которые нельзя ни пером описать, ни превзойти в поэтических произведениях.

После длинного и забавного монолога Тарталья замечал двух проходивших мимо людей и приказывал им похоронить с почетом обеих девушек. Люди уносили их прочь.

Принц обращался к третьему Апельсину. К его удивлению, он чрезвычайно вырос и стал похож на огромную тыкву.

Он замечал вблизи озера; следовательно, согласно указаниям Челио, это было подходящее место. Он разрезал Апельсин своим мечом, и из него выходила высокая, красивая девушка, которая, следуя тексту этого серьезного сюжета, восклицала:

Ах, кто разрушил мой затвор! О небо, как я стражду!
Чтоб не оплакивать меня, дай утолить мне жажду!

И падала на землю.

Принц понимал теперь смысл приказа Челио. Он был в затруднении, так как у него не было ничего, чем он мог бы зачерпнуть воды. Обстоятельства заставили забыть о вежливости. Он снимал один из железных башмаков, бежал к озеру, наполнял его водой и, принеся извинение за несоответствующий сосуд, давал подкрепиться девушке, которая поднималась сильной и благодарила его за помощь.

Она рассказывала, что она дочь Конкула, короля Антиподов,^[12] и что она была осуждена волшебством жестокой Креонты вместе с двумя сестрами пребывать в коже Апельсина по причине столь же правдоподобной, сколь правдоподобен самый этот случай. Следовала шутивно-любовная сцена. Принц клялся, что женится на ней. Город находился вблизи. Принцесса не имела приличной одежды. Принц уговаривал ее подождать, сидя на камне под сенью дерева. Он обещал прийти за ней с богатыми одеждами в сопровождении всего двора. Порешив на этом, они расстались со вздохами.

Выходила арапка Смеральдина, изумленная всем, что она видела. Она замечала в воде озера отражение прекрасной девушки. Можно было не

опасаться, что она не исполнит в точности всего, что предписывалось сказкой этой арапке. Она больше не говорила на итальянизированном турецком наречии.

Моргана впустила ей в язык тосканского дьявола, и она могла бросить вызов всем поэтам в правильности своей речи. Она обнаруживала молодую принцессу, которую звали Нинеттой. Она льстила ей, предлагала свои услуги, чтобы поправить ей головной убор, подходила к ней и предательски втыкала ей в голову одну из двух заколдованных шпилек. Нинетта превращалась в Голубку и улетала. Смеральдина садилась на ее место, ожидая прибытия двора. Другой шпилькой она собиралась пронзить Тарталью в эту ночь.

Вся эта смесь чудесного и забавного, все ребячества этих сцен заставляли зрителей, которые с детских лет знали от нянек и бабушек содержание этой сказки, следить с большим вниманием за всеми перипетиями ее сюжета, и души их были увлечены смелой попыткой воспроизвести ее в театре.

Под звуки марша появились Сильвио — король Треф, принц Тарталья, Леандро, Клариче, Бригелла и весь двор, чтобы торжественно отвести в город принцессу-невесту. Видя вместо нее арапку, не признанную благодаря колдовству Морганы, принц приходил в ярость. Арапка клялась, что она — принцесса, оставленная здесь. Принц не мог не вызвать смеха своими стонами. Леандро, Клариче и Бригелла радовались. Они понимали истинную причину происшедшего.

Король Треф с важностью уговаривал сына сдержать свое слово и жениться на арапке. Он угрожал ему. Принц грустно соглашался, проделывая разные шутовские выходки. Раздавались звуки инструментов, и все общество направлялось ко двору, чтобы отпраздновать свадьбу.

Труффальдино не пришел вместе с двором. Он получил от принца прощение своих грехов. Принц дал ему звание королевского повара.^[13] Он остался на кухне готовить свадебный пир.

Следующая за уходом двора сцена была самой смелой в этой шутовой пародии. Представители партий синьоров Кьяри и Гольдони, находившиеся в театре и заметившие колкие остроты, делали всяческие попытки вызвать гневный шум в аудитории, но все их усилия были напрасными. Я уже сказал, что в лице Челио я изобразил синьора Гольдони, а в лице Морганы — синьора Кьяри. Первый был некоторое время адвокатом в венецианском суде, и его литературная манера отдавала стилем тех писаний, к которым привыкли адвокаты в этом почтенном трибунале. Синьор Кьяри хвастался пиндарическим и возвышенным стилем, но я

должен сказать, с вашего позволения, что в семнадцатом веке не было у нас ни одного столь напыщенного и безрассудного писателя, который превзошел бы его невероятные ошибки.

Возбужденные взаимной ненавистью и злобой, Челио и Моргана, встретившись, разыгрывали следующую сцену, которую я перепишу целиком, вместе с диалогом.

Следует помнить, что если пародия не ударится в преувеличение, она никогда не достигнет желаемой цели. Поэтому надо снисходительно отнестись к капризу, родившемуся от веселого и шутливого ума, в основном как нельзя более дружественного к синьорам Кьяри и Гольдони.

ЧЕЛИО

(выходя стремительно, Моргане)

Злодейка-фея, я узнал все твои обманы; но Плутон мне поможет. Подлая ведьма! Проклятая колдунья!

МОРГАНА

Что это за разговор, шарлатанский маг? Не задевай меня, а не то я задам тебе головомойку в мартеллианских стихах и заставлю тебя умереть от зевоты.

ЧЕЛИО

Мне, дерзкая ведьма? Я отплачу тебе той же монетой! Вызываю тебя на поединок в мартеллианских стихах. Вот тебе:

Отныне домогательством сочтутся незаконным,
Бесчестным, бездоказанным, защиты прав лишенным,
Твои неосторожные и дерзкие деянья,
Их вредные последствия, равно как волхвованья,
И зло, всем в назидание, подвергнется клейменью,
Искорененью полному, изгнанию, заточенью.

МОРГАНА

Вот скверные стихи! Теперь моя очередь, ничтожный маг.

Скорее стрелы Фебовы, сверкающие золотом,

Презренным станут оловом или Восток Закатом,
Скорей луна двурогая, чей свет прельщает очи,
Небесное владычество уступит звездам ночи,
Скорее реки дольные с их хрусталем певучим,
Взмыв на Пегасе пламенном, вверх вознесутся к тучам,
Чем пренебречь можешь ты, Плутона раб негодный,
Кормилом и ветрилами моей ладьи свободной!

ЧЕЛИО

О надутая, как пузырь, колдунья! Подожди!

Развязка воспоследует в ближайших же явленьях
На точном основании статей о превращениях.
Нинетта, ныне горлица, разрушит чарованье
И скоро в первобытное вернется состоянье.
Засим, на основании статей о ряде следствий,
Клариче и Леандро твой впадут в пучину бедствий,
А Смеральдину черную, ее злодейства ради,
Истицу безнадежную, слегка поджарят сзади.

МОРГАНА

О глупый, глупый рифмоплет! Слушай меня, я тебя утрашу:

На крыльях, воском спаянных, Икар, гордыни полный,
Отважно к небу взносится, спускается на волны.
Обременяют Оссою вершину Пелиона
Титаны разъяренные, чтоб Зевса свергнуть с трона.
Икары будут свергнуты в пучину океанов,
И Громовержца молния испепелит титанов.
Клариче на престол взойдет, твоим не внемля пеням,
А принц, как новый Актеон, окажется оленем.

ЧЕЛИО

(в сторону)

Она хочет осилить меня поэтическими преувеличениями.
Если она думает загнать меня в мешок, она ошибается.

Ввиду того, что речь твоя груба и неприлична,
Ее незамедлительно опротестую лично.

МОРГАНА

Пусть ныне королевство Треф страной вольной будет!

(Уходила.)

ЧЕЛИО

(кричал ей вслед)

Я предъявляю встречный иск! Тебе платить присудят!

(Уходил.)

Далее сцена изображала королевскую кухню. Никогда еще не было видано более жалкой королевской кухни, чем эта.

Остальная часть представления была лишь окончанием сказки, представленной во всех подробностях, за которой зрители продолжали следить с неослабевающим вниманием.

Пародия касалась теперь низостей и тривиальностей, а также пошлости некоторых характеров в произведениях обоих наших поэтов. Суть ее заключалась в невероятной скудости, неуместности и низменности.

Труффальдино был занят насаживанием жаркого на вертел. В отчаянии он рассказывал, что, так как в этой кухне нет вращающегося вертела, ему пришлось самому поворачивать вертел. В это время на оконце появлялась Голубка; между ним и Голубкой происходил следующий разговор. (Эти слова взяты из текста сказки.)

Голубка говорила ему: «Здравствуй, повар!» Он ей отвечал: «Здравствуй, белая Голубка!» Голубка добавляла: «Я молю небо, чтобы ты заснул и жаркое сгорело; пускай арапка, противная тварь, не будет в состоянии его есть». После этого на него напал чудесный сон, он засыпал, а жаркое превращалось в уголья. Так происходило два раза. Два жарких сгорели.

Он поспешно ставил на огонь третье жаркое. Появлялась Голубка, и повторялся тот же разговор. Волшебный сон опять напал на Труффальдино. Этот милый персонаж делал все усилия, чтобы не заснуть: его шутки, свойственные театру,^[14] были чрезвычайно забавны. Он засыпал. Огонь обращал в уголья и третье жаркое.

Пускай спросят у публики, почему эта сцена имела такой исключительный успех.

Появлялся с криком Панталоне и будил Труффальдино. Он говорил, что король разгневан, потому что уже съедены суп, вареное мясо и печенка, а жаркого все нет. Да здравствует смелость поэта! Тем самым были превзойдены драки из-за тыкв кьоджинских женщин синьора Гольдони. Труффальдино рассказывал историю с Голубкой. Панталоне не верил этим чудесам. Появлялась Голубка и повторяла волшебные слова. Труффальдино готов был снова впасть в оцепенение. Оба эти персонажа начинали гоняться за Голубкой, которая порхала по кухне.

Эта погоня живо интересовала публику. Голубку ловили, сажали на стол, гладили. Нащупывали маленькую шпильку на ее голове; это была волшебная шпилька. Труффальдино вытаскивал ее, и Голубка тотчас же превращалась в принцессу Нинетту.

Изумление было очень велико. Появлялся его величество король Треф, который с монаршей величественностью и со скипетром в руке грозил Труффальдино за опоздание жаркого и за стыд, который такой человек, как он, должен был испытать перед приглашенными.

Приходил принц Тарталья, узнавал свою Нинетту. Он был вне себя от радости. Нинетта рассказывала вкратце свои приключения; король оставался в изумлении. Он видел появление в кухне вслед за ним арапки и всего остального двора. Приняв чрезвычайно гордую осанку, король приказывал принцу и принцессе выйти в судомойню и, избрав себе в качестве трона очаг, садился на него со всем королевским достоинством. Появлялись арапка Смеральдина и весь двор. Король, точно следуя сказке, описывал происшедшее и спрашивал, какого наказания заслуживают виновные. Каждый в смущении высказывал свое мнение.

Король в ярости приговаривал арапку Смеральдину к сожжению.

Появлялся маг Челио. Он разоблачал вину Клариче, Леандро и Бригеллы. Их приговаривали к жестокому изгнанию. Вызывали из судомойни принца с его нареченной. Все ликовали.

Челио уговаривал Труффальдино держать дьявольские мартеллианские стихи подальше от королевских кастрюль и почаще заставлять смеяться

своих государей.

Сказка кончалась обычным финалом, который знает наизусть каждый ребенок: свадьбой, тертым табаком в компоте, бритыми крысами, ободранными котами и т. п.

А так как господа журналисты того времени без конца расхваливали в своих листках всякую новую пьесу, представленную синьором Гольдони, то не было забыто и горячее обращение к публике с просьбой принять на себя посредничество между актерами и господами газетчиками в защиту доброй славы этого таинственного вздора.

Я не был виноват. Любезная публика требовала несколько вечеров подряд повторения этой фантастической пародии. Стечение народа было огромно. Труппа Сакки могла наконец свободно вздохнуть.

Мне придется в дальнейшем указать на большие последствия, которые произошли от такого легкомысленного начала.^[15] Тот, кто знает Италию и не является по духу энтузиастом французской деликатности, не будет судить мою пародию, сравнивая ее с пародиями этого народа.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Эпиграф, с которого начинается публикация фьябы «Любовь к трем Апельсинам», заимствован Гоцци у одного из его любимейших поэтов — Луиджи Пульчи (1432–1484), автора пародийно-юмористической рыцарской поэмы «Морганте» (1483). Поэт сравнивает себя в этом отрывке с великаном Морганте, обладающим колоссальной силой и превращающим своих противников в кашу.

2 ...труппу актеров импровизированной комедии Сакки... — Состав актерской труппы Сакки, для которой Гоцци написал все свои десять сказок, в настоящее время не может быть полностью установлен.

3 «Кухарки» и «Кьоджинские перепалки» — две народные комедии Гольдони, написанные на диалекте. В обеих этих пьесах изображаются ссоры и перебранки простых женщин, которые Гоцци и пародирует в данном месте «Любви к трем Апельсинам».

4 *Король Треф.* — В оригинале этот персонаж называется «король Чаш». Итальянская колода карт делится на следующие четыре масти: Чаши (Coppe), Деньги (Danari), Мечи (Spade) и Палицы (Bastoni). Для игры в Тарок добавлялась пятая масть — Тароки (Tarocchi), фигуры которой встречаются в сказке «Зеленая Птичка». В каждой масти старшими картами являются: Туз, Король, Всадник и Валет.

5...произведения *синьора Кьяри и синьора Гольдони, которые, будучи написаны мартеллианскими стихами, утомляли однообразием рифм.* — По утверждению Гоцци, можно подумать, что Гольдони писал свои комедии мартеллианскими стихами. На самом же деле Гольдони пользовался этим стихотворным размером только во время третьего периода своей деятельности, связанного с театром Сан-Лука (1753–1762). За эти годы он написал мартеллианским стихом только 29 пьес.

Между тем всего им написано 137 комедий, 5 трагедий и 16 трагикомедий. Таким образом, мартеллианским стихом написано явное меньшинство его произведений.

6 *Арапка Смеральдина*. — В оригинале Смеральдина именуется «Мога», что в старину означало и «мавританка» и «негритянка». Это смешение мавров с неграми хорошо передается русскими словами «арап» (почти тождественно в произношении со словом «араб») и «арапка», — тем более что в тексте подчеркнута чернота Смеральдины. Потому, в данной сказке, слово «мога» переводится словом «арапка».

7 *Плутон — властитель Тартара, и Пиндар, вверх парящий.* — Соединение в одной фразе мифической личности — подземного бога Плутона (или Аида) и исторически достоверного лица — знаменитого греческого лирика Пиндара, жившего в V в. до н. э., ярко характеризует безвкусную стилистическую манеру Кьяри.

8 Бригелла предлагал импровизированную комедию масок, которая может служить невинным развлечением для народа. — Роль и поведение Бригеллы в «Любви к трем Апельсинам» весьма противоречивы. С одной стороны, он изображается отрицательным персонажем, который помогает злодеям пьесы Клариче и Леандро; с другой стороны, во время спора по вопросу о выборе ими рода театральных развлечений, Бригелла защищает комедию дель арте по тем же соображениям, которые заставляли Гоцци выступать в ее защиту. Гоцци вложил в уста Бригеллы монолог о горестной судьбе превосходных актеров труппы Сакки — монолог, который вызывал бурные аплодисменты зрителей.

9 *В своих драмах, заимствованных из «Энеиды»...* — В 1760 г., когда антрепренер Медебак, у которого служил Кьяри, снял в аренду театр Сан-Джованни Кризостомо, прекрасно оборудованный для оперных эффектов, Кьяри воспользовался этими постановочными возможностями и написал «Троянскую тетralогию», в которой выступали Венера, Сивилла, Харон и Вулкан со своими циклопами.

10 *Великанша Креонта... носила платье «андриенну».* — Андриенной называлось просторное женское платье с длинной робой (юбкой), которая кроилась так, чтобы скрадывать талию. Платье это было изобретено актрисой Данкур, надевшей его впервые в период беременности для исполнения главной роли в комедии Барона «Андриенна». Вскоре платье это сделалось модным, причем мода из Франции перекинулась в Италию.

11...*о дочь Искарюта!* — В переводе на обыкновенный язык эти слова обозначают: «О дочь Иуды (предателя)». Ученик Христа Иуда, предавший его в руки врагов, был сыном Искарюта.

12...дочь *Конкула*, короля *Антиподов*... — Антиподами называются люди, обитающие на диаметрально противоположных точках земного шара.

13 *Принц дал ему звание королевского повара.* — Превращение Труффальдино в королевского повара обусловлено тем, что он является большим любителем и мастером поесть.

14...шутки, свойственные театру... — Этими словами в комедии дель арте обозначались всякого рода пантомимические или мимические сценки, разыгрываемые главным образом актерами на роли слуги (Дзанни), иногда при участии актеров на роли комических стариков (Панталоне, Доктора, иногда Капитана). Они не имели ближайшего отношения к сюжету пьесы и обычно являлись самостоятельными дивертисментными номерами. Другое наименование этих номеров — лацци.

15...*большие последствия, которые произошли от такого легкомысленного начала.* — Гоцци хочет сказать, что, создавая «Любовь к трем Апельсинам», он еще не имел понятия о том, что из созданного им пародийного жанра театральной сказки в дальнейшем произойдет серьезный жанр сказочной трагикомедии.